

*Светлана Слупке,
доктор искусствоведения,
агентство «Евразия Глобал Коннектинг» (Берлин)*

Влияние фильмов Андрея Тарковского на турецкое кино

На фильмах Андрея Тарковского воспитываются турецкие кинематографисты уже во втором поколении. Наиболее ярким последователем эстетики, поэтического и метафизического киноязыка Тарковского является известный режиссер Нури Бильге Джейлан с его главной темой поиска идентичности, места и предназначения человека в мире. Турецкое артхаусное кино показывает развитие идей Тарковского и их творческую адаптацию к современным реалиям и национальному опыту. Поэтому при концептуальном сходстве и даже откровенном подражании, эти фильмы все же имеют специфический, явно турецкий характер.

Ключевые слова: фильмы, кинематографисты, киноязык, эстетика, образность, метафизика, трансцендентность, идентичность, творчество, нарратив

Андрей Тарковский, как известно, изобрел совершенно новый киноязык, показав, как визуальный нарратив кино можно превратить в настоящую поэзию. Его наследие оказалось монументальным, его влияние можно наблюдать у многих режиссеров из разных стран. В турецком кино наиболее ярким последователем кинематографической эстетики Тарковского является всемирно известный режиссер, самый титулованный ныне, любимец и многократный призер Канн Нури Бильге Джейлан.

До Тарковского турецкое кино находилось под влиянием итальянского неореализма, особенно Федерико Феллини и Микеланджело Антониони. Самым ярким выразителем этой тенденции был Йылмаз Гюней, первым из турецких режиссеров удостоенный главной награды в Каннах за свою картину «Йол» («Путь»), которой старалось подражать большинство турецких режиссеров. С появлением Тарковского влияние Гюнея не исчезло совсем — у него и сейчас есть последователи, — но после знакомства с творчеством Тарковского на ретроспективных показах Стамбульского фестиваля в 1980-х годах. многие молодые артхаусные режиссеры

были впечатлены его фильмами, а Джейлан, по его выражению, «просто заболел им». Он стал первым успешным последователем философии и эстетики киноязыка Тарковского в Турции, открыто признавшись в любви к творчеству русского режиссера. «Тарковский — один из моих любимых режиссеров. Тарковский оказал огромное влияние на формирование турецкой интеллектуальной элиты, особенно в кино», — говорил он. Джейлан в своем творчестве стремится к искусству поэтического и метафизического кино, наполненного философскими размышлениями, родоначальником которого в современном кино принято считать Тарковского.

В фильме «Отчуждение» есть одна сцена, прямо отсылающая к Тарковскому: главный герой, желающий избавиться от своего загостившегося родственника, переключает телевизор с эротики на фильм Тарковского. Тарковский используется здесь с сугубо практической целью: герой ищет кадры подлиннее и поскучнее для обывателя, чтобы быстрее спровадить своего гостя. «Отчуждение», по утверждению режиссера, — биографический фильм. «До того, как я пришел в кино, я чувствовал себя, как герои этого фильма. И к определенному возрасту, от неверия и отсутствия настоящих дел я стал отдаляться от людей. Это было ужасное пугающее чувство, которое я пытался проанализировать в этом фильме».

Творческому самоанализу Джейлан учился у Тарковского. Так же, как Тарковский, он от внутренних метаний и сомнений, мучивших его, нашел спасение в искусстве, которое стало смыслом его жизни. «Искусство действительно бесконечно, его невозможно исчерпать. И любую жизненную сложность можно преобразовать в него. Это своего рода терапия», — говорит турецкий режиссер. Он тоже пытается взамен несовершенной окружающей действительности создать свой собственный мир, свою вселенную. «Кино по своему предназначению, как мне кажется, должно исследовать иные, пограничные состояния между словом и реальностью, и это шаг в сторону какого-то нового измерения. Это направление, созвучное тому, что делал Тарковский: он искал то, что никогда не передавалось с помощью кино, и ему удалось открыть новое измерение кинореальности». Джейлан рассматривает это стремление к открытию нового поэтического и метафизического киноязыка как идеал. Соответственно, его персонажи тоже больше озабоче-

ны созерцанием и изучением окружающей действительности, чем активными действиями по ее изменению, тем самым помогая режиссеру исследовать и понять их душевное состояние. Джейлан описывает этот процесс так: «Я как рыба, которая пытается найти дорогу в мутной воде».

Фильмы Джейлана затрагивают сложные философские вопросы, выходящие за рамки традиционных развлекательных фильмов, замедляя время и смешивая реальное с воображаемым. Джейлан использует медитативную эстетику Тарковского, отказываясь от традиционных повествовательных структур и разрушая общепринятые каноны турецкого кино. Таким образом ему удастся создать в своих фильмах гармонию и взаимодействие между поэзией и образностью, между минималистской эстетикой и богатым внутренним миром.

«Однажды в Анатолии» и «Зимний сон» являются лучшими образцами такого поэтического, метафизического кино. Режиссер достигает определенной кинематографической трансцендентности за счет завораживающих визуальных образов и личных экзистенциальных размышлений. Как и Тарковского, Джейлана волнуют вопросы вечного и мимолетного, соотношение времени и пространства человеческого существования, метафизические парадоксы. Его главной темой тоже являются поиски идентичности, и у него вопросы места и предназначения человека в мире становятся предметом творческого осмысления. Джейлану импонирует высказывание Тарковского: «Мне кажется, что всякая оригинальная сторона в творчестве настоящих писателей, настоящих живописцев, музыкантов, кинематографистов всегда имеет глубокие корни». И он в своем творчестве, так же, как и Тарковский, всегда находится в поиске этих национальных корней.

На фильмах Тарковского воспитывается уже второе поколение турецких кинематографистов. Самый яркий из них — Мурат Дюзгюноглу, даже вынесший имя Тарковского в заголовок своего полуавтобиографического фильма «Почему я не могу быть Тарковским?» В нем рассказывается трагикомическая история молодого амбициозного режиссера, который мечтает стать таким же известным и великим, как Тарковский, снимать умные, значительные фильмы, но вынужден зарабатывать себе на жизнь созданием неза-

мысловатых дешевых картин и сериалов для телевидения. Во время съемок он существует в двух параллельных мирах: реальном и воображаемом. В реальности он, потерявшийся в собственных страхах и неуверенности, так и остается малоизвестным телевизионным режиссером, у которого в жизни не клеится ничего — он не может найти общий язык даже с самим собой и понять себя. Его кумир — Тарковский и, подобно герою «Отчуждения» Нури Бильге Джейлана, он многократно пересматривает фильмы любимого режиссера даже в компании людей, далеких от понимания настоящего искусства. Он пытается разговаривать по душам с Тарковским и полон далеко идущих планов.

Фильм начинается со сна режиссера, который повторяет сцену из «Сталкера» и заканчивается так же, как и начался, — сценой первого дня съемок из «Сталкера». Мурат Дюзгюноглу показал непростой и утомительный процесс кинопроизводства, связав его с проблемами в своей личной жизни. Режиссер, который хочет заниматься искусством, ищет и не может найти средства для своего фильма. В итоге он уступает и продолжает снимать дешевые сериалы. Этот фильм рассказывает о столкновении идеала и реальности, о том, как желания и амбиции в процессе создания фильмов отражаются на личностях самих режиссеров, о том, как творческие люди часто вынуждены идти на компромиссы, в том числе иногда и со своей совестью.

В фильме «Почему я не могу быть Тарковским?» можно заметить не только прямое влияние и развитие идей Тарковского, но и их адаптацию к современным турецким реалиям. Несмотря на серьезность заявленной темы и постановку философских вопросов о смысле жизни и предназначении художника, картину отличают юмор, ирония и самоирония, в ней есть саркастические, узнаваемые турецким зрителем диалоги, вызывающие смех в кинозале.

Любопытно, что режиссеры турецкого происхождения в Германии почти не интересуются творчеством и идеями Тарковского. Многие, кажется, даже не знают их. Они находятся, скорее, под сильным влиянием немецкого кино или стараются подражать модным течениям. Исключением является, пожалуй, Йылмаз Арслан, снявший под явным воздействием фильмов Тарковского фильм «Песочная звезда» (2017). Режиссер говорил, что открыл для себя

новую планету под названием Тарковский и был очарован поэтичностью и иносказательностью этого великого мастера. Хотя фильм Арслана отличается социальной направленностью, своим изобразительным рядом, многослойностью и поэтичностью он напоминает картины Тарковского.

Турецкое артхаусное кино показывает, что идеи, философия и эстетика фильмов Тарковского (особенно таких шедевров, как «Сталкер» и «Солярис») до сих пор очень популярны среди молодых режиссеров и творчески, с учетом своего жизненного и национального опыта, развиваются ими дальше. Можно с уверенностью сказать, что поэтика Тарковского в современном турецком кино активно прослеживается, хотя, при концептуальном сходстве и даже откровенном подражании, все же носит специфический, включая элементы юмора, явно турецкий характер — схожесть ситуаций в СССР и Турции, политические ограничения и цензура развивают фантазию в поисках метафор и повышают креативность творцов.